

В комнате лежали два человека, один из которых был Ду Шоушень худой, а другой - тревожный, все еще закрытый лекарственной оболочкой.

Ду Шоушэнь уже проснулся, он лежал на боку и смотрел на лекарственную скорлупу на другой кровати.

"Твой дядя, я не видел тебя целый день, почему ты стал яйцом?"

Ду Шоушен говорил, пока текли слезы: "Сяолуэр уже очнулась, она сказала, что ты почти прошел опасный период. Но ее руки могут не восстановиться некоторое время, это ожог от фиолетового огня, она его ремонтирует. Она не достаточно заботилась, но ее это совсем не волновало, но у такой девушки была жесткая кожа на ладони, и все равно было неприятно об этом думать. Она ничего не сказала, когда она могла свободно выпустить фиолетовый огонь, эта мертвая кожа Нет. Но сколько времени это займет? "

Ду Шоу был почти не в состоянии двигаться, травма была слишком тяжелой.

Он искажил лицо и вытер слезы о подушку: "Яйцо, когда ты сможешь проснуться? Мамин толстяк не смел и подумать, если у тебя вдруг лопнет скорлупа, я не знаю, кто вылезет изнутри. Что делать? Неважно, не знаю, не знаю, если не знаю, лишь бы ты был спорным. Но что, если тот, кто выйдет из него, не знает меня? Как я могу доказать, что я твой брат? "

Гу Цянье, все еще с бинтами на теле, толкнул открытую дверь и вошел, едва услышав тонкие и тонкие слова Ду: "Эй, толстяк, ты плачешь?".

Ду Шоушу: "У толстяка в глазах яйцо".

Гу Цянье надулся, сел на стул и посмотрел на лекарственную раковину: "Ты сказал, что если он выйдет, то действительно забудет нас всех... Может, просто дадим хорошую еду?"

Ду Шоушу: "Ты готов сражаться?"

Гу Цянье откинулся в кресле: "Почему ты не хочешь? Этот парень полностью игнорирует свою жизнь и смерть, он должен сражаться".

Ду Шоу сказал: "Пришло время винить... Винить меня. Если бы я знал, что он в ловушке, я бы не стал связываться с ним концентрическим узлом. Я думал, что он все еще в школе боевых искусств".

Гу Цянье: "Не думай так много, Сяолуэр сказала, она смотрела бесчисленное количество раз каждый день, Аньчжэн сейчас очень стабилен. После того, как действие лекарства полностью пройдет, он полностью восстановится и вырвется из скорлупы... Эй, это слово используется здесь, так почему оно неловкое? "

Ду Шоушоу: "Не притворяйся, что я не видел, как ты плачешь".

Гу Цянье: "Пук!"

Ду Шоушоу: "Если ты не отпустишь, то травма будет серьезной, и ты можешь бояться, что рана разойдется".

Гу Цянье громко рассмеялся, его глаза покраснели: "Ты ... дядюшка".

Ду Шоушу: "Маленькие листья, когда нам станет лучше, пойдемте и разделаемся со всеми этими парнями".

Гу Цянье: "Эм, возьми меня".

"И я!"

Дверь со скрипом и толчком снова открылась, и Му Цидао в королевской мантии шагнул внутрь. Спокойным шагом, с королевским стилем. Стоящие снаружи последователи с уважением посмотрели в глаза молодого человека. Этот молодой человек не только король, но когда он раньше стрелял снаружи Тяньцицзуна, его властность была еще более шокирующей. Теперь же каждый, кто посмеет обращаться с ним как с ребенком?

Му Цидао, который пришел со своим королевским духом, повернулся и взмахнул руками, и свита отступила.

Он закрыл дверь, и серьезность на его лице сразу же исчезла. Наклонившись: "Хороший толстый брат, хорошая сестра-листочек".

Гу Цянье протянул руку и погладил его по голове: "Наша маленькая семерка хороша".

Му Цидао засмеялся и сел на подлокотник кресла Гу Цяня, опираясь на руки Гу Цяня: "Каждый день притворяться серьезным перед этими людьми, я устал... А что насчет брата Аньчжэна? Я только что ходил на встречу с Лю Первым. Моя старшая сестра, она готовит панацею, говорит, что она будет использоваться постоянно после того, как брат Аньчжэн выйдет. Похоже, она давно не отдыхала, верно? Выглядит расстроенной. "

Гу Цянье сказал: "Я убеждала несколько раз, если она не подготовит все, она не будет отдыхать".

Му Цидао вскрикнул, встал и подошел к лекарственной раковине, протянул руку и погладил ее: "Ты сказал, что брат Аньчжэн чувствует нас внутри?"

Ду Тоший: "Конечно, я не могу его почувствовать, он сейчас просто яйцо".

Му Цидао улыбнулся, а затем коснулся лекарственной скорлупы и сказал: "Брат Аньчжэн, позволь мне рассказать тебе две новости. Первая - с Сиюлоу покончено. Чжан Кайчжи был брошен этими людьми и стал брошенным ребенком. Этот инцидент был приписан обидам Цзянху. Она была нанесена не только Чжан Кайчжи, но и угасшей семье Гао. У меня нет возможности избавиться от этих парней на одном дыхании, поэтому я временно потерплю. Подождите, давайте поговорим вместе. Во-вторых, я подожду, пока ты проснешься, и сделаю это снова. Те, кто обидел тебя, и те, кто обидел Тяньцицзуна, плохо кончат. "

Закончив говорить, он обернулся и спросил: "Когда брат Аньчжэн выйдет, вдруг найдется панацея?".

Гу Цянье: "Тогда пусть твоя младшая сестра Люли снова тренируется, в любом случае, он раньше был таким вонючим, и ему следовало бы немного пострадать. Он должен заботиться обо всем, как будто мы еще не выросли..."

Му Цидао сел: "Я посмотрю на него, а он собирается уходить, слишком много дел, так раздражает. К счастью, моя мать и господин Гу помогают мне, иначе эти мелочи будут

раздражать людей". С Востока через несколько дней Те, кто вернется из Синьцзяна, доложат о войне, и им назначат награду, и это будет головная боль, если об этом подумать. "

Ду Шоу тонко сказал: "Все дополняет друг друга, ты думаешь, что быть королем так просто. Это выглядит красиво, но требует больше усилий, чем другие".

Гу Цянье: "Сяо Цидао, эта миска куриного супа скоро высохнет!"

Когда трое людей болтали в доме, Тянь Цзыцзун на самом деле был не совсем ровным снаружи.

Человек в сером полотняном халате медленно шел к Тянь Цицзуну. Он пришел из небольшого переулочка, где темный свисток, устроенный во дворце Тяньцзи, был мертв. Мужчина был стройным, халат с капюшоном полностью закрывал его тело, а когда он шел с опущенной головой, то даже не было видно его лица.

В его руке была длинная деревянная палка, похожая на витой ротанг. На вершине этой палки лежит круглый предмет, как бы слитый с палкой. Однако если присмотреться, то можно обнаружить, что верхняя часть деревянной палки разделена, держа шар как пять пальцев. На шаре есть мелкие и плотные сетки, и одна из них, кажется, сломана, пробив небольшое отверстие.

Этот человек шел вперед с деревянной палкой, и когда он уже собирался свернуть в переулок и выйти на улицу Тяньцзи Цзунвэй, он вдруг остановился.

Он замер и после долгого молчания медленно повернулся.

В переулке стоял молодой монах в белой монашеской одежде, он выглядел очень достойно. Красота этого монаха - это красота женщины в мире, и редко можно встретить такую внешность, как у него. Но в нем не было женственности, и он выглядел чистым и ясным, без следов грязи.

"Монах?"

спросил человек в сером полотняном одеянии.

Молодой монах кивнул: "Конечно, это монах".

Человек в серой мантии опустил шапку, открыв очень мягкое лицо: "Я никогда не имел дела с людьми вашего буддизма. Почему вы останавливаете меня, если вода из колодца не нарушает реку? Во время войны вы, буддисты, тоже держались в стороне. Теперь, когда вы в одиночку пришли на Центральную равнину, вы не боитесь смерти и не можете вернуться в свой родной город? "

Монах ответил: "Там, где у монаха есть родной город, то же самое происходит и со мной. Я не останавливал тебя. Я стоял перед тобой и звал тебя, и я стоял за тобой".

Девятнадцать демонов еще долго молчали, а потом спросили: "Если бы я подошел, ты бы выстрелил?".

Монах не ответил.

Девятнадцать демонов снова спросили: "У тебя есть фотография?"

Монах ответил: "Есть так много желаний быть монахом. Слишком много желаний быть монахом. Но в человеке есть природная ваджра. Если я смогу войти в свою буддийскую дверь, я буду счастлив".

Девятнадцать Демонов: "Три тысячи царств Будды в западных регионах, бесчисленные ученики, это царство Янь - просто земля для снарядов, что вас волнует? Появление ваджры у этого человека, стадия бодхисаттвы у того человека, какое сострадание у вас... Об этом говорят многие. Я просто хочу быть прямолинейным. Если вас не волнует то, что происходит сегодня, если вы встретитесь снова в будущем, я позволю вам набрать семь очков. "

Молодой монах покачал головой: "На семь очков меньше".

Девятнадцатый Дьявол нахмурился: "Монах, ты мог и не победить меня. Раз уж ты здесь, ты должен знать, кто я такой".

Молодой монах сказал: "Но ты не знаешь, кто я".

Девятнадцать демонов замолчали в третий раз и через некоторое время сказали: "Но я должен убить этого человека".

Молодой монах сказал: "Люди из Секты Будды не видят никакого убийства. Даже если человек, о котором ты сказал, не имеет ко мне никакого отношения, я не могу смотреть, как ты его убиваешь. Более того, место Центральной равнины, где процветание прекрасно, не может быть благословлено Буддой. Сердца людей находятся почти там. Этот человек ваджры как раз и является кандидатом на уничтожение демона в хаотичном мире. Если этот человек умрет, это неизбежно приведет к тому, что в будущем группа демонов будет танцевать. "

Девятнадцать демонов: "Есть ли у тебя облик ваджры?"

Монах развернул свои четки: "Да".

Девятнадцать Демонов вздохнул: "Люди убивают людей, и трупы лежат повсюду. Демоны убивают людей, но только одного или двух. Тебе нет дела до этих людей, но ты пришел, чтобы контролировать меня. Разве вы, монахи, не убиваете людей? Найдите охранника демона. Какая разница между нами и убийством? "

Монах сказал: "Разница в том, что монах убивает, никто не обвиняет. Ты убиваешь - это грех. Это понятно?"

Девятнадцать демонов повернулись и ушли: "Ты защитил его один раз, но ты не можешь защищать его всю жизнь. Я сказал: "Я убью этого человека".

Монах сказал: "Я прошу акр земли в городе Фангу, и я планирую построить храм.

Эта земля находится рядом с сектой Тяньци, и Аньчжэн еще не знает об этом, но я расскажу вам первым".

Девятнадцать Демонов замерли и оглянулись на монаха: "Тогда я подожду, пока ваш храм будет построен, а потом посетю его. Разве в вашем буддизме не сказано: "Отложи нож мясника и встань на землю, чтобы стать Буддой"? Будда принимает меня, но не я его. "

"Предложение положить нож мясника и встать на землю, чтобы стать Буддой, - это не то, что

говорит буддийская секта".

Монах сказал: "Как может быть так просто стать Буддой, убить достаточно людей и опустить нож мясника, чтобы стать Буддой? Если это так, то я не соглашусь. Я практикую будду уже тридцать три года, и я всего лишь монах... Какого Будду я считаю буддой? Те, кто откладывает свои мясницкие ножи, все еще ***, если у них есть серьезные грехи. Но все *** люди должны попасть в ад. "

Девятнадцатый Дьявол рассмеялся: "Ад ... это мой дом".

Сказав это, он исчез в мгновение ока.

Монах некоторое время стоял у входа в переулок, а затем сложил тела охранников вместе. Посмотрев на тела, он нахмурился и долго думал, и наконец вздохнул: "Проклятие Синьшэна... как его прочитать?".

Он забыл, поэтому ему остается только уйти.

Монах подошел к двери Тяньцицзуна, сказал людям, находившимся там, что в переулке лежит несколько тел, а затем вышел во двор.

Когда монах подошел к двери комнаты Аньчжэна, случилось так, что из комнаты вышел Сяо Цидао. Стражники остановили монаха, Сяо Цидао вышел к монаху, сложив руки вместе: "Я видел господина".

Монах одергивает: "Я видел короля Яня".

Сяо Цидао указал на комнату: "Спит, если господин хочет увидеть его, боюсь, я разочарован".

Монах сказал: "Пришло время посмотреть, в конце концов, моя земля - его..."

Рот Сяо Цидао дернулся: "Учитель... Это действительно речь. Ты иди, у меня еще много дел, иди первым".

Монах попрощался и застыл на месте, войдя в дверь.

"Амитабха... большое яйцо".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2175703>